

Л.В. Бязрова

КАЗБЕК ХЕТАГУРОВ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Л.В. Бязрова*

Аннотация. В статье анализируется творчество заслуженного художника СО АССР, серебряного медалиста Академии художеств СССР (1985), лауреата премии Коста Хетагурова (1987) – Казбека Акимовича Хетагурова (1936–1985), выявляется индивидуальная манера письма и основные темы творчества, характеризуется его вклад в искусство Северной Осетии.

Ключевые слова: Казбек Хетагуров, искусство, «суровый стиль», «метафорический реализм», живопись, графика, портрет, этюд, пейзаж, колорит.

В 70-е годы искусство Осетии заняло достойное место в российском культурном пространстве, ярко заявив о себе в экспозициях всероссийских и зональных выставок. Среди мастеров, сложившихся в эти годы (Ш. Бедоев, А. Арчегов, М. Джигкаев, Э. Цогоев, Б. Дзиов, М. Келехсаев, М. Кабулов), особое место принадлежит Казбеку Хетагурову (1936–1985), «человеку огромного художественного таланта» [1, с. 7]. Его картины привлекали к себе внимание особым живописно-пластическим строем, серьезной искренностью авторской позиции, сгущенным драматизмом.

Стиль живописца сложился в законченную индивидуальную систему вскоре после завершения учебы в Ленинградском художественном институте. Преодолев два очень сильных влияния внутри российской и советской культуры – «суровый стиль» 60-х годов¹ [3, с. 360–361] и «метафорический реализм» 70-х – начала 80-х² [6, с. 163–195], пропустив новаторские идеи и формальные открытия этого периода через собственное видение, Хетагуров сумел синтезировать их в свою поэтику.

Пафос мастеров «сурового стиля» заключался, прежде всего, в признании права на личностную активность художника, способного преобразовывать мир и достигать с ним гармонии. Своеобразный романтизм этого направления нашел выражение в открытии лирики индивиду-

ального образа, единения художественного «я» (субъекта творчества) и явления (объекта изображения) – через принцип пластической экспрессии; это зерно стиля стало основой художественного языка Казбека Хетагурова. Из проблематики 70-х годов для Казбека оказалось наиболее актуальным осмысление особого места современника в контексте всей истории, признание его удельного веса, понимание того, в чем состоит его роль.

Уже в ранних натуральных этюдах-портретах, пейзажах Хетагурова есть обобщенность, целостность восприятия. Более поздние работы, предназначенные для выставки, нередко становились, по сути, свободной интерпретацией этюда. Такой метод творчества, когда на холсте реализуется выношенный в глубине души образ, предполагает, с одной стороны, фильтрацию природы, с другой – акцентировку того, что стало памятью сердца. Это метод, к которому обращались семидесятники – картина не по законам восприятия, а по законам представления, – был близок и Казбеку.

Многие работы художника просты по мотиву, в них нет изощренной режиссуры. Но по живописно-пластической напряженности, по выявлению общего эмоционального состояния – это картины. Так, например, сельский мотив, который особенно характерен для осетинской живописи 70-х

* Бязрова Людмила Владимировна – искусствовед, заместитель директора по научной работе Государственного бюджетного учреждения культуры «Художественный музей имени М.С. Туганова», заслуженный работник культуры РСО-А (hudmuzeum@globalalania.ru).

¹ К «суровому стилю» искусствоведы относят творчество И. Клычева, В. Попкова, Т. Салахова, В. Иванова, Г. Коржева и др.

² «Метафорический реализм» 70-х – начала 80-х гг. в советской живописи представляли Т. Назаренко, О. Булгакова, Н. Нестерова, А. Волков, В. Рожнев, А. Ситников, В. Орлов и др.

годов, в творчестве Казбека является одним из главных, не важно, пишет ли он пейзаж или создает фон в сюжетной картине. Для Казбека Хетагурова, который родился в селе и провел здесь детство, юность, но, получив профессиональное образование во Владикавказе и Ленинграде, стал городским жителем, обращение к теме села, земли играет роль не столько воспоминания, сколько утверждения связи человека с землей, с родиной, ее историей, ее судьбой.

Изобразительный метод семидесятников трансформировал мотив по закону символической условности. В отходе от природы (отсутствие в этюдах, картинах конкретных указаний на место и время) выработался язык более высокого уровня обобщенности: нормы предельно выверенного пластического совершенства, концентрация смысла. Здесь совсем другие требования, чем к картине традиционного бытового или исторического жанра. Центральная тема многих картин Хетагурова – связь человека с землей – трактована им как причастность человека к истории своего народа, не только прошлой, но и будущей. Казбек даже не мог подозревать, что в суровом звучании цветового строя его композиций, в драматическом оцепенении героев и природы сегодня можно увидеть своеобразные пророчества трагедий Осетии конца XX – начала XXI века.

Природа, как и большинство пейзажных фонов картин Хетагурова, – сумеречная, вечерняя. В горах день заканчивается вообще довольно рано. Вечер – время переходное, таинственное – съедает не только краски, но и звуки, погружая героев в оцепенение, молчание, побуждая к размышлениям. Любовь к вечеру, сумеркам определила цветовые предпочтения художника: он вводит в свою живопись темные, глухие, почвенные краски, оперируя умбрами, охрами. В таком утяжеленном колорите – своеобразное эхо эстетики «сурового стиля» с его поисками поэзии в прозе жизни. Один и тот же мотив (дорога, аул, мастерская) дает художнику возможность использовать живописную импровизацию, очень тонкую, подобную музыкальной (Казбек обладал прекрасными вокальными данными, умением держать верный звуковой тон, выразительно интонировать мелодию).

Часто в этюдах, эскизах, завершенных полотнах Казбек повторяет сюжет с возвращением в село взрослого пахаря или мальчика. Особенно выразительно решен этот мотив в картине

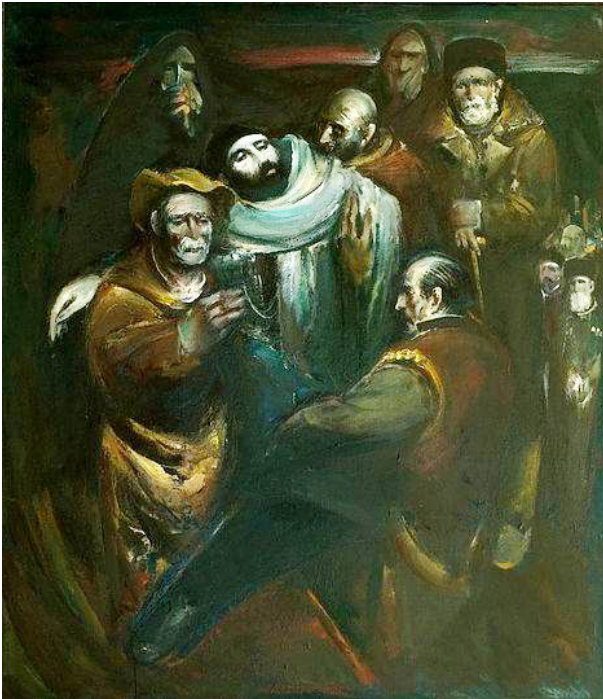
«Свадьба»

«Осень» 1977 года. Пластический образ здесь тяготеет к скульптурному обобщению, хотя форма, как всегда у Казбека, живописна. Движение медленно разворачивается из глубины к первому плану, от борозд на дороге к фигурке шагающего на зрителя мальчика. Стремительность бега белой собаки справа подчеркивает неторопливость движения быков, а прихотливость силуэта группы животных и человека контрастирует с округлостью холмов на горизонте и безмятежно спокойной полосой выцветающего синего неба.

В картинах «Женщины моего села», «Свадьба», «Старик в лесу», цвет, словно преодолевая сопротивление мрака, загорается светом. Яркие цветовые «сгустки», «вспышки» цвета, создают ощущение огромной внутренней напряженности. Другая особенность стиля Казбека – акцентированная фактурность письма, его интерпретационная свобода. Живописная поверхность ассоциируется с многослойной, то сгущающейся, то разряжающейся тканью. Колорит раскрывает свои качества постепенно. Живописная среда затягивает, заставляя прислушиваться к тишине.

Время в картинах Казбека – фактор не движения, а постоянства, поэтому композиции художника, как правило, основаны на статике. Развитие сюжета – не для фиксации сиюминутного, а для обобщения вневременного: герои всегда укрупняются, приближаются к первому плану, вырываются из мрака (темноты пространства картины). Особенно важны в этом понимании композиции главные картины Казбека – «Свадьба», «Посвящение».

Предстояние персонажей в «Свадьбе» [2, с. 112] обусловлено своеобразным ритуалом: введением в дом невесты; ее символическая роль столь важна, что сдвинутая влево фигура девушки в красном платье все равно является смысловым центром композиции, тогда как ее конструктивным ядром и другим центром картины становится гармонистка. Принципиальную роль играет в картине светотеневая моделировка фигур, она

«Посвящение». 1982, 170x150. х.м.

специфична. Фигуры словно высвечиваются изнутри, перебивая своим «внутренним» световым потоком определенность «внешних» цветовых сочетаний – густо зеленых, насыщенных красных, золотисто-охристых, холодно-зеленых, коричневых. Временное накладывается на глубинное, духовное, изначальное.

Казбек часто обращался к образу Коста Хетагурова [5, с. 2–3], не по причине фамильного сродства, а в силу большой любви к его поэзии и творчеству. Картина «Посвящение» [4, с. 11] своим решением вызывает ассоциации с ренессансными композициями «Оплакивание» («Пьета»). Тяжелое, оседающее тело мертвого Коста бережно поддерживают трое горцев. Это символическое «снятие с креста», позволяющее провести параллель между спасительной для человечества жертвой Бога и мессианским служением своему народу поэта, между трагическим одиночеством Христа в дни его предательства и казни, и таким же одиночеством, по сути, Коста, особенно в его последние годы жизни.

Композиция «Посвящения» основана на «трагической» диагонали (тело Коста) и одновременно на «оптимистическом» круговом движении по часовой стрелке (фигуры и жесты трех мужчин). В колорите преобладают тяжелые, темные, черные тона, но светлая полоса на горизонте темного неба и белый «ореол» башлыка Коста – это утверждение преодоления скорби, торжества бессмертия.

Коста посвящено и другое, пожалуй, самое великолепное по мощи использования всех художественных средств полотно – «Прощание с

поэтом». По полифоническому звучанию цвета, сложной организации ритма и захватывающей внимание зрителя магии пространства оно остается в памяти, подобно торжественной, печальной и одновременно светлой панихиде, какая, наверное, и сопровождала Коста в его последнем земном пути. Сцена погребения поэта преобразена глубоким лирическим авторским чувством. Драматизм сюжета находит изобразительное развитие в драме красок, темных, почти угольных, иссиня-черных, сизо-пепельных, среди которых, подобно пламени, вспыхивают огненные краски «осени» (осени как метафоры умирания; Коста умер в марте). Ритм слегка скошенных композиционных осей играет очень важную роль в создании замирающего, затихающего движения, скованность стоящих персонажей вступает в противоречие, психологический диссонанс с эмоционально-приподнятым живописным напряжением.

Во многих работах Казбека встречается мотив вечернего ожидания. В монументальной по форме картине «Женщины моего села» этот сюжет из круга частных выведен во вневременную сферу. Старые вдовы в черных платках, погруженные в воспоминания за оградой дома, на краю села – эти фигуры воплощают мудрое достоинство возраста, примирившегося с прошлым. Стоящая слева старуха с ребенком на руках, крепко прижимающая его к себе, – метафорическая отсылка к будущему: именно надежда на счастливую судьбу детей дает силы жить и верить в завтрашний день.

Сам Казбек был уже вполне сознательным ребенком, когда на фронте Великой Отечественной войны погиб его отец, поэтому мотивы «воспоминания» и «ожидания» в его картинах связаны и с темой войны, возникающей в произведениях художника чаще всего как пластическая метафора.

Многое может рассказать о творческом методе художника его графика, сохранившаяся в бесчисленных блокнотах, набросках, эскизах, в портретных зарисовках. Часть рисунков – вполне завершённые композиции, большинство же представляет своеобразный «дневник» художника, в котором каждый день его жизни зафиксирован не перечислением повседневных дел, а визуальными памятками, размышлениями, «закладками» для построения будущего произведения. На небольших листочках бумаги Казбек разворачивал множество вариантов одной темы, например, сельского труда, праздника. Композиционные поиски для него были, прежде всего, поисками образа, который проявлялся в контрастном сопоставлении света и тени, конкретизации персонажа и символическом обобщении, устойчивой статики и подвижности, зыбкости, недосказанности познаваемого художником мира (серия «Художник и модель», рисунки, посвященные Коста). Техника рисунков специфична для метода художника: это шариковая ручка, способная сохранить важные

для автора детали (лежащую на столе телефонную трубку, выразительные жесты, мимику героев) и тушь, чернила, для которых художник выбирает не перо, а кисть, помогающую живо и точно следовать за движением мысли автора, лепить пластику фигур и создавать ощущение драматизма бытия.

Концепция построения пространства в графике преломляется и в живописи, где изначально светлая плоскость заполняется полутонами, тенями, только в картине темные слои краски формируют рельеф. По мере затемнения холста, свет, отступая, превращается в глубину пространства. Рассматривая картину, глаз проделывает обратное движение: от темного переднего плана к светлому фону, изображение воспринимается не как повторы реальности, а как ее метафорическое преобразование³.

В наследии Казбека Хетагурова нет автопортретов. Но художник, пропускавший через себя внутреннее состояние своих героев, в каждом созданном им портрете оставил частицу своего «я». Портреты Казбека поражают особой достоверностью диалога модели и мастера, тонкой мастерской лепкой кистей рук, выразительностью лиц, сохранивших несомненное сходство портретируемых. Но все персонажи портретов имеют и нечто общее – тревожное, задумчивое или грустное настроение, открытый испытующий, вопрошающий взгляд, как на фотографиях Казбека.

«Ожидание». 1980–83, б., ш. ручка

Казбек оставил в своем творчестве нравственные ориентиры, по которым жил и работал сам – убежденность в высокой гуманистической миссии искусства, настойчивое утверждение его духовной значимости. И еще он оставил – многозначную и звучащую тишину своего внутреннего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадаев Л.Т. Мудрость сердца (вспоминая Казбека Хетагурова) // Северная Осетия, № 129 (22936), 10 июля 1999. С. 7.
2. Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. – Л.: Художник РСФСР, 1988. 208 с.
3. История русского и советского искусства / Под ред. Д.В. Сарабянова. – М.: Высшая школа, 1979. 383 с.
4. Остаева Т.А. Сын народа // Художник. 1991. № 7. С. 10–13.
5. Хетагуров К.Л. Произведения. – Владикавказ: Ир, 2009. 623 с.
6. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. – М.: Высшая школа, 2005. 495 с.

KAZBEK KHETAGUROV: REINTERPRETATION OF REALITY

L.V. Byazrova

Art museum named after M.Tuganov. Vladikavkaz. Russia. (hudmuzeum@globalalania.ru).

Abstract. In the article the work of Kazbek Khetagurov (1936–1985) – the honored artist of NO ASSR, Academy of Arts of USSR silver medalist (1985), Kosta Khetagurov prize awardee (1987) is analyzed. The artist's painting style, the main themes of his work and his contribution to North Ossetian art are determined and described.

Keywords: art, «austere style», «metaphorical realism», painting, graphics, portrait, etude, landscape painting, colour.

REFERENCES

1. Gadaev L.T. Wisdom of the heart (remembering Kazbek Khetagurov) // North Ossetia, No. 129 (22936), 10 July 1999. P. 7.
2. Dzantiev A. Artists Of North Ossetia. – Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1988. 208 p.
3. The history of Russian and Soviet art. Ed. by D. V. Sarabyanova. – M.: Higher school, 1979. 383 p.
4. Ostaeva T.A. Son of the people // Artist. 1991. No. 7. P. 10–13.
5. Khetagurov K. L. Works. – Vladikavkaz: IR, 2009. 623 p.
6. Epstein M. N. Postmodern in Russian literature. – M.: Higher school, 2005. 495 p.

³ По воспоминаниям ученика Казбека Хетагурова, Захара Валиева, известно, как тот работал над картиной «Свадьба». Сначала он создал яркое по цвету полотно (по меньшей мере – светлое), затем стал его приглушать, энергично и с каким-то отчаянием, вводит темные фиолетово-серые, коричневые, черные тона, пока не погрузил группу героев в сумерки гаснущего вечера.